

«Долбаный Макс!» — Соня в последнюю секунду запрыгнула в автобус. Лицо было заплакано, но она улыбалась. Салон битком. Расталкивая локтями пассажиров, к ней направилась высокая кондукторша, с замазанной тональником скулой. Соня получила билет и протиснулась к окну. Автобус шел тяжело, останавливался на каждом светофоре.

На ближайшем к Соне сиденье развалился парень. Он демонстративно смотрел в окно, не обращая внимания ни на стоящую рядом старушку, ни на цепляющуюся за поручень женщину с ребенком на руках. Пару минут Соня безуспешно гипнотизировала парню затылок, потом тронула за плечо.

— Это рыбки или просто ромбики, как думаешь?

Парень посмотрел, куда показывала девушка. По фасаду зеленого панельного дома, к которому приближался автобус, вился рисунок, либо стилизованные рыбы, либо просто что-то геометрическое.

Весеннее солнце заливало улицу. Небо было синим, как море. А ромбики там были или рыбы, зависело исключительно от взгляда смотрящего. И только для смотрящего и важно. Природа сама по себе давно достигла просветления, но не выдавала своих секретов.

Взгляд парня застыл, а Соня, ужом проскользнув между пассажирами, выскочила

на остановке. Еще одного просветленного за сегодня ей бы точно не простили. В автобусе уже что-то происходило.

— Осторожно, просветленный! — донесся голос кондукторши. — Немедленно освободите салон!

Соня ухмыльнулась и побежала. Отсюда до дома было квартала четыре. В подъезде она позвонила подруге Алене. Та не удивилась.

— Инцидент на углу Баумана и Крестителя — это снова ты! — констатировала она.

— Я, — призналась Соня, — а чего он сидел, а старушка стояла? Или дедушка? Или младенец с мамой?

— Младенец стоял? — Трубка хмыкнула. — Приехать к тебе?

— Даже не знаю, — выдохнула Соня. — Бесит.

Подруга Алена с отличием окончила философский факультет в областном центре, работала теперь в «службе скорой духовной помощи» и гордилась собой. А что, плакать что ли?

Во-первых, ее родной занюханный городишко теперь официально считался центром мира. Выросшие, как грибы после дождя, храмы всех мыслимых и немыслимых религий неплохо разбавили унылую панельную застройку. Опять же праздник круглый год, толпы туристов-паломников. «Духовка» собирала с улиц празднующихся просветленных, с обращенными внутрь себя взглядами, ловила за ноги левитирующих над тротуарами и проезжей частью аскетов, доставляла в приличествующие случаю молельни и дацаны прочих граждан, сподобившихся божественной благодати и в явной или неявной форме мешающих общественной безопасности.

Во-вторых, слоны. То есть мамонты. В русской глубинке (пусть даже и бывшей) зима по полгода. Так что слоны — это в цирк или зоосад. Мамонты — другое дело.

Они гуляли по газонам, смотрели на прохожих и доверчиво махали ушами. Как общались СМИ, поголовье составляло на се-

годняшний день около тысячи хоботов. Экологи орали и тряслись: «Это же наследие! Наше наследие!»

В-третьих, древнее море, до которого докопались шахтеры, и которое теперь все больше уходило в горы. Море дикое, слепое, холодное. Люди спасались от него, а мамонты... Мамонты принюхивались, прядали ушами, а потом шли в него и уплывали, бог знает куда.

Чтобы как-то спасти ситуацию, специальным указом ООН было запрещено к употреблению словосочетание «Индрик-зверь», просмотр мультфильма «Мама для Мамонтенка» и прослушивание (распевание) песен из него. Но не помогло. Кончилось тем, что мамонтов заперли от моря. Заперли, конечно, и людей.

Соня нашла ключи и открыла дверь квартиры. Заходить внутрь не хотелось. Еще вечером ее напрягло, что Макс долго молчит. Это было не слишком характерно для ее, как выражалась Алена, «очередного». Он вообще улыбочивый, разговорчивый. Если что-то не нравилось, сразу сообщал. Если нравилось — мог все уши прожужжать. Книг не читал. Прелесть, а не человек! Соня млела и строила планы на простое женское счастье. А тут вдруг сидит, смотрит...

Сначала Соня закрыла на это глаза. Мало ли где-то трубы прорвало или смыв засорился. Макс работал сантехником и всегда гордился своими успехами. Приходя домой, потирал руки, улыбался. «Вот и чистота, — приговаривал, — вот и чистота!»

Ночью Соня проснулась попить воды и обнаружила Макса стоящим у окна.

— Ты чего? — спросила.

Макс не ответил.

Соня даже не выглянула в окно. Смотреть там было не на что. Темный забитый машинами двор. Мигающие огоньки сигнализации. Красная круглосуточная вывеска «Гостиница не час, сутки! Гостям в подарок сауна».

— Эй!

Макс перевел взгляд на Соню.

— Я понял.

— Что ты понял? Четверг? Тебе на работу утром! Пойдем в постель.

Она уже все знала, с ним ЭТО ТОЖЕ ПРО-ИЗОШЛО!

— У меня сейчас мозг взорвется! — Макс помотал головой, как бы отгоняя наважде-ние. Замер. И вдруг улыбнулся кроткой все-прощающей улыбкой.

— Я все понял,— сказал он новым не-знакомым голосом. — Хочешь, я сейчас расскажу!

...Она вызвала «скорую духовную» и сбежала.

Захлопнув дверь, Соня наконец позволи-ла себе закурить. Про эту квартиру, торже-ственно переданную Соне после четвертого официально зарегистрированного просвет-ления (санузел раздельный, три комнаты, балкон), Макс не догадывался. Он вообще знал о Соне мало. Ему было неинтересно.

Соня опустила на пол. Как она нена-видела эту квартиру!

Макс, может, еще вернется, отойдет, есть чудеса! Но ТАКИМ он ей просто не нужен! Все! Кончилось! Соня поднялась с пола и прошла в комнату.

Вечером позвонила Алена.

— Ты жива? Суицид не обдумываешь ли?

— Не дождешься!

— Вот и славно! Слушай, я к тебе одно-го человека притащу, ок? Он не старый еще. И ему все просветления вообще пофигу. Ко-роче, как ты.

— И зачем мне это чудо?

— А вдруг подружитесь? Бывают же... чудеса.

На улице было промозгло и темно. К ве-черу весна сдавала свои позиции. Остала-лось одно унылое межсезонье. В пробках сигналили машины. Кто-то кричал... Или молился, Соня не стала вслушиваться.

Алена появилась в белой гриппозной маске.

— Может, снимешь? — предложила Соня.

— Нет уж, — подруга стряхнула с волос капли влаги. — Я бы еще и перчатки надела.

Но не нашла. Не хочу внезапно увидеть свет в конце тоннеля...

Алена вынула из рюкзака бутылку «Бифитера» и банку оливок. Они прошли в комнату, Соня кое-как разгрести бумаги и книжки. Стало уютно.

— Обожаю эту квартирку! — Алена плюхнулась на диван.

— Хочешь, поменяемся? — Соня при-несла бокалы со льдом и тарелку сырной нарезки, оставшейся с последнего визита сюда.

— Я подумаю, — Алена разлила джин. — Так, на чем я остановилась?

У Алены была забавная привычка про-должать разговор с того места, на котором остановилась в прошлый раз.

— На пофигисте.

— А! Так он придет сейчас.

— Любопытно, — Соня поболтала в бо-кале лед. — И как его зовут?

— Лёшей зовут. Алексеем.

— Алексей, — задумчиво произнесла Соня, выпила и стала с интересом наблюдать за подругой. Та достала две оливки.

— Ваше здоровье! — Алена поднесла бокал ко рту, и тут случилось ожидаемое.

— Тьфу! Забыла!

Пока Алена снимала и выбрасывала ма-ску, пока мыла руки, Соня сидела задумчи-вая.

— День сегодня какой-то... Помнишь, со мной в машине практикант ездил, рыжий такой, Миша звали.

— И?

— Потеряли сегодня. На вызов приеха-ли, там над сквером Миндовского йог оче-редной болтался, невысоко, но все равно ловить надо. Так вот, мы его ловим, а Миша вдруг замолчал, застыл и тоже медленно так воспарять принялся. Представляешь! При-шлось и его ловить. Ужас, да!

В эту минуту в дверь позвонили.

— Пофигист? — спросила Соня.

— Пойдем, проверим, — Алена наконец нормально выпила и кинулась к двери.

За дверью стоял мужчина в брезентовой куртке с капюшоном. Он был высок, даже очень. В руках держал бутылку.

— О! — воскликнула Алена, — еще бутылка! Да, кстати, Лёша-это-Соня-Соня-это-Лёша. По-моему, вам есть о чем поговорить.

И застолье понеслось. Лёша легко разлил по бокалам джин, разделил по-братски подтаявший лед из вазочки. Соня выпила, не почувствовав вкуса. Леша ей не нравился. Судя по взгляду, она ему тоже.

— Повторим! — предложила Алена.

И они немедленно повторили.

— Лучше пить, не переставая, — говорил Лёша, покачивая льдом в бокале, — тогда может и мимо просвистеть, а если и нет, все равно ни черта не запомнишь.

— По-моему, что с алкоголем, что без... — пожала плечами Соня.

— Не скажи... Ваше здоровье.

Свет от зеленой настольной лампы падал на лица. Квадратики горького шоколада на скатерти. Смех Алёны. И тихий-тихий, почти беззвучный дождь за окном.

— У меня была девушка, — говорила Соня, — я ее видела только пьяной, — и, фигушки, тоже просветление.

— Сочувствую. А сама ты пила тогда?

— Бывало.

— А в самый момент просветления? Была пьяна?

— Наливай, а то не скажу.

Соня выпила, потянула дольку шоколада, медленно прожевала и заговорила:

— Мы занимались любовью. И когда дошли... сатори, в общем.

Леша поперхнулсяджином.

— Вон оно как...

— Я же говорила.

Дождь вдруг стукнул по карнизу. Сильнее. Еще сильнее. А потом хлынул ливень. Все завертелось. Окна. Балкон. Лампа с зеленым абажуром. Синяя занавеска надувалась пузырем и снова опадала. Они пили без остановки.

Лёша говорил.

— У меня раньше было много женщин. С ними тоже... всякое. Одна, ну, тогда на йогов мода пошла, в «Технике молодежи» про них писали, позы, все такое... Так вот,

она раз — и в нирвану. Лежит твердая, холодная. Я в «скорую», в милицию... Это же еще до мамонтов было, никто не понимал ни фига... Потом читал много, изучал. Коран, индийская философия, дзэн, Библия, само собой. Уотса, Элиаде, ну, вы знаете. Особенно когда понял, что со мной это тоже творится, но... без последствий, что ли. Потом у Желязны нашел — ложный Будда.

— Ложный, это тот, который ушел и дал истинному не быть, — ввернула Алёна.

— Я не лезу в буддизм, — сказала Соня. — Не-деяние, если ты понимаешь.

— А мне интересно, — Алёна широко зевнула.

— Это мы с вами, Соня, ложные и есть. Мы можем спровоцировать просветление, просто рассказав историю. Мы знаем, что такое хлопок одной ладони, но нас это не вставляет. Нам ничего не остается.

«Какой бред, — подумала Соня, — лучше бы нахерачилась в зюю, или и это теперь не вставляет...»

— Я вернусь! — Алена тяжело поднялась. — Я приду.

Соня и Лёша остались одни. Некоторое время молчали.

— Я тебе не нравлюсь, — Соня навела на собеседника указательный палец.

— И что?

— Нет, ты скажи.

— Ну, не нравишься.

Соня кивнула.

— Знаешь, и я почувствовала то же самое. Точно. Никакого желания. Вообще не нравишься. Старый. И совсем не мой тип.

Лёша улыбнулся.

— Про тип — аналогично. Да еще и «би».

— Но... — Соня посмотрела в окно, — может, это последний шанс. И тебе, похоже, тоже надоело. И... предлагаю жить вместе.

— Интересно. А секс в комплект входит?

— Жить вместе — не значит трахаться. И вообще...

Алену они нашли спящую в прихожей в обнимку с обувной полкой.

По улице дребезжал первый трамвай.

— Я вас провожу, — решительно заявила Соня.

«Вот сейчас провожу и Алену, и Лешу, который, кстати, ничего не ответил, и останусь одна в чертовой пустой квартире...» — Соня вздохнула так, чтобы гости не заметили. Они вышли из подъезда. Алена зевала и терла глаза. Соня молчала, джин окончательно направил мысли в печальное русло.

— Вот приду и лягу спать... и проснусь только к обеду или к ужину.

— Хорошая тема, — Леша кивнул.

Соня посадила их на трамвай. На подножке Леша обернулся.

— Я подумаю, — сказал он.

Есть такое слово — хмарь. В городе ранним весенним утром она может быть даже приятной. Ночной дождь стих, осталась только морось. Соня свернула к себе во двор. В голове крутилось, что нужно позвонить Максиму и что-то сказать. И забрать из квартиры все свои вещи, а то убегала впопыхах...

Напротив детской площадки что-то заставило ее поднять глаза. В рдеющем сумраке рядом с разноцветной, в трафаретную ромашку, горкой стоял мамонтенок. Маленький и замерзший. Он старался стоять неподвижно, чтобы не заметили.

Хлопнув по карману плаща на предмет денег, Соня метнулась к ближайшему круглосуточному, а потом почти час кормила малыша сдобной булкой в ожидании службы мамонтов. Когда они наконец приехали, пришлось еще объяснять, что она тут ни при чем, что не знает, где мама, и что она, Соня, вообще не верблюд. На нее смотрели с подозрением. К ней приноживались. Испуганного мамонтенка увели в крытую перевозку. Вокруг стремительно светало. Пожилой мужик с эмблемой службы зевнул и задал Соне, кажется, уже тысячный вопрос:

— А вы кто, собственно, будете? По профессиональной принадлежности?

— Никто.

— Как же так?

— А вот так, — злорадно ответила Соня. — Можно я пойду?

Спать хотелось отчаянно.

— Ну иди, — с подозрением сказал он, — иди.

И она пошла, услышав за спиной, как пожилой говорит в рацию: «...Да, уже третий за сегодня. Куда, интересно, взрослые деваются?»

Уснула она мгновенно.

...И проснулась оттого, что в ванной льется вода. Сначала она нехорошо подумала про Алену, оставившую воду, потом — что это Макс пришел с работы.

— Макс! — крикнула Соня. — Ты чего? — и окончательно проснулась.

Стало ясно, что Макс тут ни при чем. Соня встала, натянула шорты, про футболку, в которой спала, решила, что и так сойдет, и крадучись пошла на свет неплотно прикрытой двери. Оружия у нее не было, но злости хватило бы довести до просветления кого угодно. В таком боевом настрое она рванула на себя дверь и застыла.

На краешке ванны сидел немолодой мужик с открытым обветренным лицом. Из крана текла какая-то неправильная вода. Соня сразу поняла, что она морская, древняя.

Мужик обернулся на скрип двери, выпрямился.

— Привет, — сказал он. — Знаешь, почему в СССР не было ни одного Будды? Элементарно. Не-деяние квалифицировалось Уголовным кодексом по статье «тунеядство». Да, кстати, я у тебя рыбу оставлю. Не может она без воды, хиреет.

В ванной плеснул темным золотом масляный хвост.

Соня захотела что-то сказать... и проснулась.

Пасмурный день или уже даже вечер. В открытую форточку шумит улица. Из громкоговорителя над лавкой «Все для паломников и отдыхающих» несетя: «Православные и другие заинтересованные лица! Седьмое пришествие Господа вашего Иисуса Христа состоится сегодня, в двадцать один ноль-ноль! Организованная колонна встречающих отправляется с перекрестка улиц Ленина и Седьмого дня в двадцать тридцать. Убедительная просьба соблюдать форму одежды согласно религиозной принадлежности.

Соня встала, зажгла газ под чайником, включила новости и побрела мыться. Рыбы в ванной не было, но в воздухе отчетливо пахло йодом и каменной солью.

Следующий день прошел в спешке. Ей хотелось собрать в тишине свои вещи, пока Макса еще не выпустили. Завтра начнется апрель, и вообще, пора что-то менять. Вещей за полмесяца жизни накопилось не так уж много, всего одна сумка.

Сейчас Соня шла по улице в задумчивости. С прошлой работы ее попросили после третьего просветленного. А она тогда всего лишь раздавала листовки. Листовки Соню не волновали, но устроиться куда-то теперь было проблематично. Предложения от всевозможных религиозных деятелей, желающих иметь карманное чудо, она не рассматривала из принципа.

Улица раскрывалась, как книга. Книга, освещенная солнцем, которое уже повесенному пригревало. Соня щурилась. Внезапно на периферии зрения что-то мелькнуло. Что-то знакомое, привлекающее внимание. Соня поискала глазами и наткнулась на вывеску «Наследие» над большими зелеными воротами. На воротах красовалось стилизованное изображение мамонтенка.

Так вот куда увезли вчерашнего потешку. Соня перешла улицу и решительно нажала кнопку звонка. Никто ни отозвался. Соня нажала снова.

— Иду! — раздался высокий женский голос.

Ворота отъехали, и наружу высунулась девушка в лохматой жилетке.

— Вы кто? — она с подозрением оглядела Соню. — Мы других ждали.

— Я посмотреть. Вчера у меня во дворе мамоненок... Хотела узнать, как он.

— Мамоненок? — брови сдвинулись — А-а... та девочка!

— Девочка?

— Ладно. Заходи, только быстро.

Девушка звали Света, она работала в «Наследии» уже три года. Кроме нее за мамонтами ухаживали еще пять человек.

— И как вы справляетесь? — спросила Соня.

— Уже никак. Сироток становится все больше... Бедные малыши.

Соня поставила сумку. В большом вольтере жили три мамонтенка, постарше и покрупнее вчерашней девочки. Они смотрели на Соню и лениво прядали ушами, между которых лежали смешные снежные шапки. Младшенькую пока поселили отдельно. Соня протянула к ней руку. Та подошла и доверчиво ткнулась в ладонь хоботом.

— А ты ничего. Нрависься, — улыбнулась Света.

— Она мне тоже. Кстати, как у вас насчет работы?

Так Соня стала присматривать за мамонтами.

Через два дня позвонил Лёша.

— Еще в силе? — проорал он в трубку. Рядом с ним что-то грохотало. Словно лупили из пулемета, расстреливая всех, кто не успел спрятаться. — Или это была шутка?

— Я никогда не шучу, — мрачно сказала Соня.

— Значит, я еду. С вещами.

— У тебя их много?

— Разберемся.

— Тогда давай быстрее, я уйду на всю ночь.

Соня нажала отбой. С балкона было видно, как внизу в парке пасхальные Иисусы раздавали гуляющим бесплатную сладкую вату.

Лёша нарисовался через пятнадцать минут. При нем был рюкзак и небольшая черная сумка на поясе. Сам он был весь какой-то взъерошенный.

— Приветик. Куда собралась на ночь глядя?

— Тебе не все равно, — пожал плечами Соня. — Вот ключи, располагайся.

— А если тебя ограбят?

— Попробуй, — Соня пожал плечами.

Она надела пальто, шапку. Сапоги на каблучке сделали ее выше. Лёша раздевался и смотрел, как эта сумасшедшая убегает.

— И что? Не заценишь даже, что я пришел?

— Не могу. На работу опаздываю.

— Что это за работа такая, ночью? Или секрет?

Соня посмотрела на Лешу тяжелым взглядом.

— Мамонты. Я в «Наследии». Все, побегала. А вещи... удиви меня.

Так и пошло. Соня уходила, Леша оставался. Или наоборот, Леша исчезал, пока Соня отсыпалась. Один раз они столкнулись в дверях.

— Слушай, ты куда? Две недели вообще ни слуху, ни духу. Где? Чего? Говори!

— Две недели еще не срок, — вздохнул Леша. — Ну ладно. Я тут мессией подрабатываю, сдельно на почасовке. Кому что нужно, в общем.

— Ясненько... И кому нужно сейчас?

— Буддистам. К ним, между прочим, нормальные люди приходят.

— Мужайся, Арджуна! — Соня торжественно отсалютовала зонтиком. — Вперед!

Мамонтенка назвали Белоснежка или Снежка. Девушка она была с характером, что выяснилось сразу, как только ее пустили в общий вольер. Мамонты обступили ее. Самый крупный протянул хобот. Снежка отпрянула, сильно прижала уши и заверещала. И так она верещала всякий раз, когда ей что-то не нравилось. Через месяц весь вольер ходил по струнке.

За время, что Соня работала в «Наследии», появились еще два мамонтенка. Их снова нашли во дворах. Никто не знал, как они там появились. Никто не видел в окрестностях взрослых мамонтов. Была даже высказана безумная идея, что мамонты появляются во дворах просто так, из воздуха.

Постепенно Соня успокоилась и воспрянула духом. Работа ей нравилась, мамонты — тоже. А из людей она пересекалась теперь только с дядей Славой, который был завхоз, зоотехник и все остальное в одном флаконе, и его женой, тетей Людой. Кроме

того, пила кофе в подсобке со Светой. Что характерно, никто из этих троих ни воспарять, ни впечатляться не собирался.

Зато дома все шло не так уж гладко. Нет, с Лёшей проблем не было. Однако соседи, завидев любого из них, начали вдруг разбегаться, прятаться, запирались на все замки и тому подобное.

Потом Соня нашла гневное письмо, подписанное большинством жителей подъезда. Соседи возмущались Соней, ее жильцом, грозились дойти до районной, городской администрации, ООН, Гаагского трибунала и тайного совета Шамбалы, если потребуется. К письму прилагались копии заявлений пострадавших.

Особенно восхитили два из них. Первое — от семьи Шманькиных с третьего этажа — сообщало, как Соня лишила дееспособности главу семьи Шманькину Аиду Феоктистовну, 84 лет от роду, попросив у нее закурить и тем самым ввергнув в полное и окончательное просветление. А у нее, между прочим, остались дети, внуки, правнуки и муж-ветеран. Второе заявление было от некоего доцента Кунцевича, утверждавшего, что излучение, испускаемое Соней и неизвестным, привело к тому, что любимый вуалехвост доцента обрел истинную природу Кришны, унизив тем самым его, доцента, честь и достоинство.

В чем обвиняли Лёшу, она смогла прочитать только изрядно прохихотавшись. Но смех смехом, а соседи были настроены решительно и требовали от Сони и Лёши съехать.

— Давай-ка вечером обсудим, — предложила она сожителю, позвонившись с третьей попытки на сотовый. — Меня уже задолбал.

— Ок. Вернешься — и поговорим.

Домой они пришли одновременно. Лёша с порога предъявил бутылку ставшего уже привычным джина и здоровенную форель в фирменном пакете супермаркета «Небо».

— Я готовить не умею, — призналась Соня.

— А я, представь себе, умею. Мы уже столько живем, а ты так ничего обо мне и не...

Соня пожала плечами и села за стол.

— Это ничего. Вот ужин приготовишь, там и познакомимся.

Лёша вымыл рыбу, обтер полотенцем и ловко разделал на стейки блестящим кухонным ножом, о существовании которого Соня и не подозревала. Ей вспомнился сон про мужика в ванной. Нет, там хвост был другой... кажется.

Из радио неслась легкая духовная музыка. Интересно, оно само завелось или это Лёша включил.

Лёша тем временем чистил лук, нарезал перцы и морковь (любопытно, откуда все это?).

— Когда ты готовишь, ты мне нравишься,— сказала Соня. — Это так мужественно.

— Вот и славно, — Лёша кивнул.

— Слушай, а у тебя свой дом где-то есть?

— Есть. Но там мне давно не рады. — На сковороде зашкворчало масло, запахло едой. — Мне даже в магазинах окрестных не рады. Вот такие дела.

— Как это?

— В продуктовых охранниках фото мои раздали, чтобы не впускали. Бред, но обидно. И еще в киосках затариваться неудобно. Где я там правильный бальзамический уксус найду? — Лёша кивнул на красивую бутылку, стоящую у плиты.

— Мне недавно снилась рыба, она плавала в ванне, — сказала Соня. — И еще странный мужик. Он эту рыбу принес и еще извинялся, что она без воды... как это... хереет, кажется.

Лёша неопределенно передернул плечами.

— Ты чего? — спросила Соня.

— Мне тоже. Снятся странные сны,— отдельно произнес он. — Сейчас уже есть будем.

Синяя тарелка с красной рыбой, салат, стаканы с джином. Взгляд, глаза в глаза. Молчание.

— Пробуй, — нарушил паузу Лёша.

Соня взяла вилку, сунула в рот и застыла.

— Ну как?

— Волшебно. Тебе надо было в повара идти.

— Не получится. Для кого готовлю... те, потом улететь могут.

...И они выпили.

— Соседи бесят, — говорила Соня. — Какого черта! Мы же не виноваты, что действуем на них! Никуда я не уеду!

Лёша кивал. И подливал джина. Пили они наравне.

Соня чувствовала, как пьянеет, но сегодня это ее не волновало. Наконец-то она расслабилась. А завтра будь что будет.

Потом появился свет. Потом свет стал нестерпимым. Соня вылезла из-за стола.

— Вставай.

— Чего?

— Вылезай, говорю.

Лёша выбрался.

— Ну?

— Заткнись! — сказала Соня и поцеловала его.

Все закончилось, когда пошел дождь. Серый, тоскливый. Соня лежала и курила. Лёша курил сидя. Разговор не клеился.

— Расскажи о твоём сне, — попросила Соня.

— Мне снилась твоя квартира. Я смотрел в окно. Там шли мамонты, много мамонтов, огромная процессия. А в конце улицы — море. Они шли туда и... уплывали, наверное. — Он стряхнул пепел прямо на ковер. — Потом я встал и пошел в ванную. И мужик с рыбой там был, точно.

Соня помолчала.

— Ладно, давай спать.

— Давай.

Утром к ним постучали. За дверь торчал шестнадцатилетний сосед Миша, тощий подросток с удивительно черными глазами и волосами. Сегодня он был в футболке с надписью «Нирвана», на костылях и являл собой живое воплощение мировой скорби.

На кухне Лёша заваривал чай. На сковороде томилась яичница с салом и луком.

— Что случилось? — спросила Соня, зевая.

— Я, это, я взлететь пробовал. Помогите, пожалуйста! Алексей, здравствуйте! Я Миша! Я про вас читал.

— Он про нас читал! — передразнила Соня. — Я уже устала объяснять. Я ничего не делаю. Оно само происходит.

Миша попытался вдвинуться в квартиру.

— Так от нас-то ты чего хочешь? — спросил Леша. — Поясни.

— Вознесите меня!

Соня закатила глаза и застонала, освобождая проход.

Миша похромал внутрь и осел на диван. Глаза его светились сумасшедшей надеждой.

Да, в школе ему было тяжело. Одноклассники измывались. Учителя, не обнаружив в мальчике никаких талантов, старались не замечать. Пару лет назад в школу зашел агитатор общества «Ананда» и красочно рассказывал в актовом зале, что через страдания и самоотречение можно достичь... практически всего. Миша понял, что это шанс, и записался в йоги. Он самоотверженно страдал по четыре раза в неделю, но горние выси так и не открылись. Три дня назад Миша решил, что больше не может. Он влез на подоконник, вздохнул и уже практически воспарил, но потерял равновесие, рухнул обратно в комнату. И вот — костыли.

— Пожалуйста!

— Тихо! — рявкнул Леша.

Соня застыла с вилкой у рта. Слушая горестный Миши рассказ, она уплетала завтрак, пока тот не остыл. Миша распахнул глаза и замер.

— Вот, так уже лучше. Тихо. — Леша прочистил горло. — Миша, подумай вот о чем, может, тебе и не надо? Может, это не твоя судьба? Если так, мы бессильны, что бы о нас ни говорили.

Миша раскрыл рот. Потом закрыл, взгрозился на костыли и поплелся к двери.

Соня опустила взгляд. Замок щелкнул.

— Злой ты, — сказала она. — Теперь мальчик нас возненавидит.

— Зато знает правду. И вообще, может, расстроится и... достигнет.

Алена позвонила, когда Соня убиралась в вольере.

— Извини, можешь говорить?

— Не очень. Подожди, я сейчас...

Соня прижала трубку щекой и вывалила в кормушку охапку сена. Мамонтята дружно кинулись к еде. Белоснежка, как всегда, расталкивала других. Соня полюбовалась немного и пошла в подсобку. Там было хорошо, работал обогреватель, мурлыкало радио. Она попробовала рукой чайник — горячий.

В трубке дышала Алена.

— Все, — Соня перехватила трубку рукой. — Слушаю.

— Я не одна вообще-то. Тут женщина с тобой поговорить хочет. И она беременная, — Алена замолчала.

— А я тут при чем? — удивилась Соня.

— Просветленная она, — вздохнула Алена. — Высшая степень по нашей шкале.

Соня взглянула на часы. На зеленом табличке светилось 20:32.

— Подъезжайте ко мне, там вроде Леша. Я минут через двадцать сменюсь и тоже приеду.

— Так вы все-таки живете вместе, — обрадовалась Алена. — Круто!

— Ага, круто. Все, давай, до встречи.

Соня отключилась и выглянула в окно. Весна постепенно набирала цвет, снег неохотно, но отступал, уже появились травка и первые листочки. Соня знала, что если сейчас выйти в неплотную темноту двора, мамонтята решат, что она хочет дать им еще вкусенького. Белоснежка побежит прямо к ней, будет ластиться. Обычно это поднимало настроение, но сегодня Соне не хотелось идти к вольеру. Ей вдруг все стало все равно.

Только когда появилась Света с большим портфелем, Соня подняла голову.

— Привет, ты чего это сидишь в темноте? — Света щелкнула выключателем.

— Да я так, задумалась...

— А на улице тепло стало. Скоро мамонтов на выгул водить будем. Как там они, кстати?

— Все в порядке.

«Все в порядке. Все в порядке. У нас в порядке», — повторяла про себя Соня, пока шла по вечерней улице. Оказывается, она давно уже не гуляла вечером.

Зеленый свет лился из фонарей, спрятанных среди ветвей лип, обступивших алею. От него казалось, что только пробивающаяся листва уже вошла в силу и скоро лето. Соня чувствовала себя странно. Плитка под ногами. Раньше был асфальт. Когда Соня добралась до подъезда, совсем стемнело. Она поднялась по лестнице и замерла.

Дверь ее квартиры была неряшливо облеплена крестами бурого скотча. Поверх красной аэрозольной краской было намалевано «УБИРАЙТЕСЬ!». Соня осторожно, чтобы не запачкаться, отперла дверь и вошла.

— Видели? — спросила она Лешу, вышедшего из кухни.

— Видели. Решили пока отложить. Пройди.

Леша выглядел усталым и постаревшим. Соня впервые видела его таким. В кухне пила кофе Алена. Рядом с ней с ногами в кресле сидела беременная девушка.

— Здравсьте, — сказала Соня. Девушку она узнала. Точнее, уже видела раньше. Соня тогда опаздывала на автобус, а она стояла на остановке.

— Придержите автобус! — крикнула Соня.

Девушка обернулась, увидела бегущую и неловко поставила ногу на подножку. Соне стало стыдно, девушка была в положении. Зато на автобус успела.

— Спасибо! — крикнула она. Девушка улыбнулась, и Соня физически ощутила идущий от нее сноп теплого света. Тогда Соня просто удивилась. А сегодня — вот она тут. Невысокая, черноволосая, на седьмом, примерно, месяце.

— Я вас помню, извините меня, — сказала Соня смущенно.

— Приятно, что помните, — девушка положила руки на живот. — Меня Любовь зовут.

Рядом вздохнула Алена. Сегодня она выглядела подавленно.

Леша, не глядя, ткнул пальцем клавишу чайника.

— Но ведь... ребенок, — начала Соня, не очень представляя, что собирается сказать. Атмосфера в кухне сгустилась до предгрозовой. Только молний не хватало.

— Это ужасно, — снова подала голос девушка. — Я пришла к вам из-за ребенка. — И тут ее прорвало.

Сначала от Любы ушел муж. Ну как муж. Несколько раз. Залёт. Свадьба. Два месяца натужной игры в семейную жизнь... А потом к ней стали прилетать птицы. Сначала мелюзга и голуби (это даже не удивило), потом вороны, чайки и, самое странное, летучие мыши. Весь подъезд радостно куковал и чирикал, когда Люба шла в магазин.

После того как вслед за ним в квартиру влетел сокол, больно царапнув когтем по щеке, муж не выдержал и сбежал. Мама и папа сбежать не могли — родная кровь все-таки, но теперь предпочитали любить и жалеть дочь на расстоянии. А если и приходили, смотрели настороженно. Вздыхали: «Что с тобой делать, горе ты луковое?..»

Солнце светило над Любой даже в самый пасмурный день, луна всегда оказывалась полной. Но это бы бог с ним.

Внутри нее росла жизнь. Росла и привязывала к земле, а Чудо... (Люба не была религиозна и не смогла придумать никакого другого названия) Чудо тянуло вверх, в свет. Еще Любе снились сны. В одних она парила в славе и сиянии, все вокруг было просто и понятно. В других — играла с дочкой на берегу моря. Люба чувствовала, что сходит с ума.

— Недопросветленная, — бросил ей вслед один уличный мессия.

Люба взмолилась Чуду, и Чудо ответило, подсунув под руку информационный буклет «скорой духовной помощи». На «скорой» работала Алена. Алена знала Соню...

— ...и вот я здесь, — закончила Люба. — А вы, Леша, насколько я понимаю, тоже?..

— Вроде того, — задумчиво протянул Алексей.

Алена передернула плечами.

— Что? — спросила Соня.

— Боюсь я. Странно так себя чувствую. Как бы вы вчетвером меня не ухайдакали. Прости, Соня. Пойду я, наверное.

— Трое, — поправила Соня.

— Четверо, — Люба похлопала себя по животу.

— Ну, тогда действительно.

Соня проводила подругу и вернулась на кухню. Отчаянно хотелось курить, но место под форточкой (чтобы не обкуривать Любино положение) уже занял Лёша.

— ...чего вы от нас хотите? — заканчивал он фразу, начало которой Соня пропустила. — Да, нам вас очень жалко, но сейчас-то мы при чем?

— Это не имеет значения, — ответ у Любы был готов заранее. — Вы либо найдете противоядие, либо заберете дочь...

— Дочка?

— Да, я точно знаю.

— Замечательно, — Леша говорил тихо. — А если просто выгоним вас отсюда?

Соня взглянула на него с ужасом.

— Но мы нужны друг другу! — ответила Люба с уверенностью, которой явно не чувствовала.

Соня и Леша стояли на балконе и смотрели на спящий город. С бельевой веревки под потолком уже свисала парочка летучих мышей.

— Надо следить, чтобы внутрь не залетали, а то поселятся еще...

Соня принесла из комнаты тарелку подсолнечных семечек. Леша зачерпнул горсть и стал плевать шелухой через перила.

— Вот же пепельница стоит! — возмутилась Соня.

— Извини, нервное. Виноват, исправлюсь. А делать-то что будем?

Соня вздохнула. Снова навалилась апатия.

— С чем делать? Со мной? С тобой? С беременностью? С чем?

— Ты будешь ей помогать?

— Откуда я знаю? Думать надо. Полный город духовных наставников. Может, кто чего умного скажет. А меня не надо спрашивать.

У меня нет ответов, одни вопросы. И вообще, я обычная, я хочу торт и на море.

Внизу под окнами трезвый мужской голос внезапно запел:

— *В лунном сиянии
Море блистает,
Ветер попутный
Парус вздымает.
Лодка моя легка,
Вёсла большие.
Санта Лючия,
Санта...*

Летучие мыши шуршали крыльями и попискивали. Хотелось жить, а не решать чужие проблемы.

— Мы ничего не знаем, — сказала Соня. — Но ей тяжело. И нам тяжело. Так почему нет?

Теперь она знала, что это сон. Не то что бы свет как-то изменился или обстановка в комнатах, просто сразу догадалась. Окончательно стало понятно, когда из приоткрытой балконной двери высунулась лохматая голова Белоснежки.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Соня.

Белоснежка не ответила и радостно потянулась хоботом к рукам, словно бы говоря: «Есть что-нибудь вкусенькое? Угости, а?»

Соня развела руками, потом погладила Снежку, размышляя, кто и как умудрился затаскать мамонта на балкон шестого этажа. В голову ничего не приходило. Зато пришло понимание, что в комнате она не одна.

Соня резко обернулась. На диване напротив нее сидел человек из прошлого сна.

— А где рыба? — спросила Соня, просто чтобы не молчать.

— Дома рыба. Устала она, — человек усмехнулся. — Только мамонт на балконе. Но я тут честно ни при чем.

«Брежу, — решила Соня. — Нет, точно брежу».

Мужчина похлопал по дивану рядом с собой.

— Садись, поговорить надо.

Белоснежка обнаружила, что Соня оставила балконную дверь открытой, и про-

тиснулась в комнату. С топотом пронеслась туда-обратно по ковру, толкнула этажерку, потянулась хоботом к тюлевой шторе.

— Господи! — застонала Соня, — что мне с ней делать?

— Забить, — хмыкнул человек.

Соня вздрогнула.

— В смысле, забей на это, — пояснил рыбак. — Ты же спишь, непонятно разве. Ты мне лучше скажи две вещи. Во-первых, чего вы с Любой этой делать собираетесь? И почему, кстати, решили, что штырит ее, а не ребенка?

— А во-вторых? — мрачно спросила Соня.

— А во-вторых, сколько можно от своего собственного дара прятаться... и жаловаться направо и налево, какое это проклятие?

— Потому что проклятье, вот и все! Они уходят, им благословение, им все! А я? А мне что достается?

— Анекдот хочешь? — мужчина, казалось, не слышал. — А, ладно, все равно расскажу. Короче, позвал как-то китайский император Дамо и спрашивает: «В чем суть буддизма?» Тот отвернулся к стене, посидел, подумал и говорит: «А ни в чем. Пустота и никакой сути».

— И что? — Соня опешила.

— А то, что все эти ваши, кто через каждый чих просветляется, они просто не важны. Тебе, миру, никому... Забей и не думай.

Соня хотела что-то возразить, но тут мамонтенка с разбегу опрокинула кресло. И сон кончился.

Утром она вооружилась служебным справочником Алены и села на телефон. Очень быстро стало понятно, что полупросветленная беременная никому на фиг не сдалась. В католическом представительстве, правда, поинтересовались наличием стигматов, потом предложили прислать экзорциста. Соня бросила трубку, решив не осложнять отношения еще и с Ватиканом. Православная бабушка-секретарь очень обрадовалась звонку, предложила, конечно, прийти и обратиться с чудом к верующим, но только на следующей неделе.

— Извините, все мероприятия расписаны. Вы что же, не слышали, к продавщице пивного ларька стали из леса приходиться медведи, и...

Слушать дальше не было никакого смысла. Соня извинилась и стала листать справочник. Картина складывалась безнадежная. Буддисты готовились к приезду БГ. Ребе долго и занудно расспрашивал, где, когда и почему, а потом заявил, что евреев это не касается. Соня еще наудачу набрала номера нескольких сект, но те с внешним миром общаться не хотели. В общем, вопрос «что делать беременной девушке, у которой просветление?» окончательно повис в воздухе.

Второй висячий вопрос — соседи. Столько всего за последние недели, и вдруг тишина. Но явно не штиль после, а затишье перед. Соня решила забить.

— Правильно. — Одобрил Лёша. — Назреет, тогда и разбираться будем.

Назрело вечером среды. В дверь постучали.

Лёша в это время чистил картошку, навистывая что-то бравурное. Поверх камуфляжной майки на нем был красный в белую ромашку фартук. В кастрюле кипела вода. Соня читала роман «Имя Розы». Люба лежала в своей комнате с мокрым компрессом на лбу. С утра у нее разыгралась мигрень, и она ни с кем не могла говорить. По углам в темноте перешептывались птицы и летучие собаки (то, что собаки, а не мыши, определила заходившая в гости Света, оказывается, она по образованию была биологом).

Стук повторился. Соня отложила книгу и пошла к двери.

— Кто там?

— Это я, из третьей квартиры, Юля. Можешь пустить?

— Соседи, — прокомментировала Соня для Лёши. — Впускать?

— Впускай, — Леша вытер руки о фартук, — послушаем, чего скажет. Но еду не предлагать.

Соседку Юлю Соня помнила. Это была бойкая тетка лет тридцати пяти, активистка и сектантка, из самых первых, возникших

еще когда город не был назначен центром мира. Юля верила в соль, чудо и товарищество собственников жилья.

Соня открыла дверь.

— Я с миром! С миром! Белый флаг взяла бы, но наволочки все постирала.

Юля улыбалась изо всех сил.

— Ну? — спросил Леша и кивком указал парламентарше на стул.

Юля послушно села.

— Может, мы всех позовем? Я знаю, с вами еще живет...

— У нее болит голова, — перебила ее Соня. — Но я, конечно, спрошу.

Она заглянула в комнату. Люба спала, подсунув ладонь под щеку. В окно светила полная луна. Соня задернула шторы и вернулась к разговору.

Напряжение росло, еще чуть-чуть и искры полетят. Улыбка Юли напоминала судорогу. Леша был мрачен.

— Она спит, — сказала Соня. — Но мы передадим.

— Ладно, — выдохнула Юля. — Значит, ситуация...

Когда Соня жила здесь одна и набегами, подъезд с ней мирился. Если кому и случилось залететь в просветление, то обычным порядком. Вуалехвост доцента Кунцевича не в счет. С появлением Лёши градус негодования подскочил. К доценту присоединились склочники Шманькины и прочие заинтересованные и напуганные лица. Дед Борис Николаевич, либеральный демократ, обошел четыре инстанции с петицией жителей и очень напирал там на свое участие в защите Белого дома в девяносто первом.

— ...в общем, дело пошло. Придут не сегодня-завтра, самоуправление же! Будет нехорошо. Но еще можно опередить, только быстро надо.

— Короче. И без рекламы, — попросила Соня.

— Да-да! — Юля закивала. — Хотите... Хотите дом? Там как в квартире все, даже лучше, и кухня такая, и в центре. Соглашайтесь.

— Что за дом?

— Там община наша жила, а сейчас продается. И вам лучше, и нам. Только совсем быстро надо.

Соня пообещала подумать и выставила парламентаршу за дверь. А на следующий день пришла повестка. Суть формальных претензий понять они не смогли, да и не старались. Но тучи сгустились, это факт.

Юля свозила Лешу (Соня была на работе) смотреть дом. Вернулся Леша задумчивым: «Да, нормально там все, и от твоей работы близко, но решать все равно тебе». Соня спросила Любу, но той было все равно. Леша квартиру сдавал — денежка, с одной стороны, а с другой, у него с соседями обстояло не лучше.

Берем, решила Соня и позвонила Юле. Спи спокойно, дорогие соседи.

В довершение всего Соне пришло письмо от Макса:

«Здравствуй, любимая! — писал бывший сантехник. — Я познал истину, но понес потери. Теперь я знаю, ты нужна мне, а я нужен тебе. Ты еще не осознаешь, но я открою твои глаза. Костер любви полыхает в моей груди, и ты должна подбрасывать дрова. Мы справимся, любимая...» В конце письма шла приписка: «Я виноват, но я не виноват...»

Соня расхохоталась. Она даже зажмурилась от восторга.

— Ты чего? — удивился Леша.

— Ой, не могу... прочитай!

Леша заглянул в ноутбук.

— И? Пойдешь? Будете жить и проповедовать истину в последней инстанции?

— Дебил! — Соня постучала костяшками пальцев по лбу.

...уже светало, когда они обессилено отлепились друг от друга. Леша встал покурить, а Соня осталась лежать и хихикала, глядя на его голую спину.

— Вот смотрю я на тебя, и какой-то ты косой, и спина косяя...

— И?

— И о любви с тобой поговорить невозможно. Сразу обсмеешь. И жить с тобой нельзя...

Спина сделала движение, как будто тушила сигарету. Не повернулась. Ждала.

— Но когда мы с тобой занимаемся сексом и кончаем, — продолжила Соня, — что-то меняется. Всего на миг, но все становится просто и понятно.

Леша обернулся.

— Это, наверное, и есть сатори, — сказал он.

Трудности начались в самый неподходящий момент. Они уже почти загрузили вещами машину посреди безлюдного двора, когда прибежала запыхавшаяся Юля.

— Простите, ради бога! — издали закричала она. — Ради бога! Какая-то утечка! Всего день! Всего неделя, не больше...

— Мы вообще-то ключи уже отдали...

— Господи! Не знаю... может, в гостиницу? Это только на чуть-чуть. Я умоляю.

Юле было страшно. Если эти трое захотят... Вот сейчас, дождь везде, слякоть, ветер свищет, а над ними солнце ласковое, летнее. Что будет, если обидятся!

— Я вам помогу. Я... это ужас! — крикнула Юля, пятась в подъезд.

— Ладно, — Леша взял решение на себя. — Мы в гостиницу, а ты все равно к мамонтам собиралась.

Соня вздохнула. Ей и правда надо на работу.

— Позвони, как устроитесь, — сказала она и побежала к остановке.

Позвонил он даже раньше, чем Соня ожидала. Голос был хмурым.

— Тут, короче, облом. Буддисты БГ в город заманили, везде битком. Еще и Люба совсем расклеилась. Бледная вся, молчит.

— И что теперь?

— Не знаю! Давай у тебя в «Наследии» перекантуемся, что ли.

— Попробуем, спросить только надо.

Разговаривая с дядей Славой по телефону, Соня клялась и божилась, что ничего с мамонтами не случится. Люди взрослые, ответственные, к тому же беременная хорошо на них влияет.

— Ну ладно, — сдался дядя Слава. — Приводи. Только чтобы не было...

Пристроить вещи и добраться до «Наследия» удалось к девяти. Люба, которую Леша завернул в свою безразмерную куртку-афганку, чуть не падала.

— Девочка моя, — причитала она чужим голосом. — Ох, как тяжело.

— Я сейчас постелю на своем месте, там теплее. А вы пока на мамонтов, что ли, поглядите, если не страшно.

Люба заикнулась, что страшно, но увидев зверей в вольере, пискнула и бросилась к ним. Как будто и не было никакой усталости. У решетки ее уже поджидала Снежка, требовательно протягивая хобот. Леша вынул одну из купленных по дороге пицц.

— Зачем вы их держите тут? — спросила Люба.

— Защищаем, помогаем, — пожалла плечами Соня. — Они пока маленькие, без родителей не могут. А родителей нет. Никто не знает, где они. Снежку я у нас во дворе нашла, она мерзла и голодная была. Хотя... она всегда голодная.

Люба положила руку на живот.

— У меня ребенок толкается, — сказала она. — Как мамонтов увидала, так и толкается.

В итоге Любу оставили у вольера, и пошли курить за ворота.

— Что-то это мне напоминает, — сказал Лёша, прикурив себе и Соне по сигарете.

— Что?

— Ну как, звезда Вифлеемская, ясли, которые хлев по-нашему, и прочее Рождество.

— Во-первых, в хлеву будем спать мы, и я вроде не беременна, а во-вторых, не говори глупостей.

Они расправили спальники в сенном сарае. Ночь обещала быть холодной.

— И все равно похоже, — вздохнул он. — Бегство, вынужденная ночевка на скотном дворе, только волхвов с дарами не хватает.

— Так дева-то наша не родила еще.

— Угу. И ночь еще отнюдь не кончилась, — парировал Лёша.

— Все. Давай спать, — Соня закрыла ему рот ладонью.

Приснилось ей, разумеется, что Люба в подсобке начала рожать. Кричала и корчилась. Лёша держал роженицу за руку и что-то говорил тихим голосом. В вольере трубили проснувшиеся мамонтята. «Попадет мне от дяди Славы», — подумала Соня и побежала успокаивать питомцев.

У решетки вольера маячила фигура в брезентовом рыбацком плаще. Под мышкой большой сверток с торчащим наружу рыбьим хвостом.

— Привет, — поздоровался мужик из снов, оборачиваясь. — Ну и бардак у вас тут! Волхвов нет, звезда не горит. К Ироду хотел зайти, так, говорят, помер.

Рыба под мышкой вздохнула и прикрыла глаза.

— И ты туда же, — мужик посмотрел на рыбу неодобрительно. — Ладно, не зевай, вон оно, море, близко уже. Щас роды примем — и домой. — Он порылся в кармане плаща, вынул большой деревянный сандаль и протянул Соне. — Вот, чем могу. Но если бородатого китайца в одном тапке встретишь, отдай. Все равно размерчик не твой.

Соня кивнула и взяла сандаль. Внезапно к ней пришло понимание, что теперь все будет хорошо. Что уже все, можно взять и уйти. Мысли, желания, злость, усталость остались в прошлом. Нужно только успокоить мамонтят, а бородатый китаец и в одном сандале походит, ничего ему не сделается. Соня подошла вплотную к вольеру, шаря по карманам мелко нарубленную морковку, но мамонтята не обратили внимания на лакомство. Они стояли, большие и маленькие, и смотрели куда-то за спину Сони. Соня тоже обернулась и застыла. Там, где раньше были зеленые ворота и забор, теперь заползал во двор язык галечного пляжа, слабая волна с шуршанием накатывалась и отступала, отсчитывая последние секунды, капли вечности.

Море было таким, каким Соня его и представляла, огромное, живое, слепое. Оно могло быть святым и стать любимым, каким ты захочешь... Мамонтята ждали, подняв хоботы.

И тогда Соня все поняла. Это не было просветлением — в обыденном смысле, но именно пониманием, оно пришло и затопило Соню, как древнее море однажды затопило шахты, через которые люди забирали у земли ее соль.

Поняла Соня и то, что пока двое мужчин и рыба помогают Любе произвести на свет дитя, которое станет новым мессией, настоящим, точнее, настоящей... а-а, не важно! Точно так же любую точку, где угодно, можно назвать центром всего и не ошибиться. А ей это не нужно. Она просто поможет мамонтяткам.

— По синему морю, к зеленой земле... — прошептала Соня и откинула засов на вольере. Мамонтята тут же бросились к воде. Рядом осталась только Белоснежка. Она смотрела на Соню через плечо и шевелила ушами. Соня улыбнулась, оперлась о мохнатый загривок и забралась мамонтенку на спину. Снежка кинулась догонять уплывших раньше друзей. Соня вцепилась в шерсть, чтобы не свалиться. Море было уже вокруг, и обернувшись, Соня не увидела берега. Она улыбалась, чувствуя на лице брызги. Вода была правильная, холодная и шла в горы.

Соня поняла, что свободна, и... проснулась, потому что зазвонил телефон.

Некоторое время она не понимала, где она, потом рядом зашевелился Леша. Соня нащупала трубку.

— Алло, — сказала она.

— Соня! Это Юля, все в порядке, можете ехать!

Соня посмотрела Лешу, на колючее сено вокруг и сказала.

— Хорошо. Все просто хорошо.